

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА БОГОМЯТКОВА,

кандидат социологических наук,
факультет социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: elfrolova@yandex.ru

ГРИГОРИЙ ВИКТОРОВИЧ ЗОРИН,

кандидат социологических наук,
факультет социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: zorin.gv@yandex.ru

Понятийный аппарат социологии инновационных и технологических рисков

В статье рассматриваются принципы построения понятийного аппарата социологии инновационных и технологических рисков. Выделяются объективистский и субъективистский подходы к концептуализации технологических и инновационных рисков. Определяются эпистемологические возможности перформативного подхода и конструкционизма как методологии исследования технологических и инновационных рисков.

Ключевые слова: технологические и инновационные риски, социология риска, перформативный подход, конструкционистская методология.

В настоящее время особую популярность в повседневном и научном дискурсах приобрела тема технологических и инновационных рисков — рисков, вызванных современными достижениями в науке, технике и технологии. Между тем, категория «риска» часто выступает как само собой разумеющаяся, редко подлежит теоретической концептуализации на фоне представлений о современном обществе как об обществе риска, обществе повышенного производства рисков (У. Бек). При анализе процесса производства рисков учитываются только объективные факторы такого «производства» и часто упускается из виду его «субъективная» составляющая. Эта компонента может быть проанализирована в рамках конструкционистской перспективы и перформативного подхода. Нужно отметить, что роль ученых, в том числе представителей наук социогуманитарного профиля в производстве рисков, крайне важна, однако редко попадает в фокус внимания исследователей.

Социологические категории обладают перформативной силой, то есть они производят эффекты, создают различия, учреждают новые реальности, способствуют реализации того, что они «открыли». Так, с появлением массовых опросов появляется «общественное мнение», выраженное в процентах, таблицах и графиках. Многие социологические категории представляют собой не только описания, но и исполнения соответствующих реальностей (Дудина, 2012: 46–47).

Можно с уверенностью утверждать, что категория «риск» также относится к перформативным. Социологическое знание само выступает производителем рисков. И не только социологическое. В настоящее время экономическая категория риска стала активно использоваться для описания и объяснения социальной реальности, обозначая определенные типы социального поведения («рисковое» поведение, «группы риска» и т. д.), сбои в функционировании социальных систем (инновационные риски), описывая социальные процессы.

Рассматривая социологические понятия «инновационные риски», «технологические риски», следует отметить, что в современной социологии отсутствует общепринятое значение категории «риск», не противоречащее при этом его пониманию в других науках и позволяющее операционализировать его в эмпирических исследованиях. Риск определяется как объективная данность, происходит онтологизация риска. Современное общество описывается как общество повышенного риска, сформировавшееся в процессе модернизации и отличающееся от предшествующего нормального состояния. Более того, современное общество представляется обществом расширенного воспроизводства рисков (Штомпка, 1996, 2010; Луман, 2001; Giddens, 1990; Beck, 1992; Luhmann, 1993; Beck, Giddens, Lash, 1994). Отечественные социологические концепции риска некритически воспроизводят основные положения зарубежных генерализующих теорий (Зубков, 1999, 2003; Мозговая 2006; Чупров, Зубок, Уильямс, 2001; Яницкий, 1997, 2002).

Однако исследовательские программы, основанные на указанных представлениях о риске, приводят к ряду теоретических и методологических затруднений. Во-первых, следование идее исключительно рискового характера современности является искажением реальности в духе конструкционистского дискурса. Во-вторых, объективистский социологический подход к исследованию риска противоречит пониманию риска в других науках, например математике, экономике. В-третьих, представление об исключительно объективной природе риска искажает роль и место субъекта риска, а также не позволяет корректно выстроить систему связанных с ним понятий и определить предмет социологии риска.

На наш взгляд, возникающие проблемы решаются в иной теоретической парадигме. Мы полагаем, что риск — это субъективно присваиваемое или конструируемое значение любого явления; степень риска при этом произвольно меняется субъектом во времени. Риск — это гносеологическое понятие, атрибут познающего и действующего субъекта, а не категория объективного общественного бытия. Исходя из этого, мы предлагаем следующее определение риска: «риск» — это *субъективная* мера возможности наступления неблагоприятного события (неблагоприятного исхода). Тогда как «шанс» — это субъективная мера возможности наступления благоприятного события (благоприятного исхода).

В данном определении категория «риск» обретает, во-первых, логическую корректность; во-вторых, адекватно отражает описываемый процесс; в-третьих, учитывает относительный характер любого риска; в-четвертых, отвечает требованию метрологической определенности научного понятия и делает данное (и связанные с ним понятия — определенность, угроза, вызов, опасность и др.) метрологически состоятельными.

Понятие «риск» тесно связано с понятиями «определенность/неопределенность». Собственно говоря, «риск» и «шанс» — это меры неопределенности. В свою очередь, определенность/неопределенность также являются мерными понятиями: определенность/неопределенность — это меры количества информации о состоянии объекта во времени. Или, короче: определенность/неопределенность — это меры количества информации о времени¹. В наших рассуждениях о мерах «время» является исходным мерным понятием, фундаментальной, первоосновной категорией меры, а именно: время — это субъективно присваиваемая мера соотношения двух и более процессов между собой.

В свою очередь, понятия «риск» и «неопределенность» тесно связаны с представлениями о рациональности. У основоположников социологической теории риска Н. Лумана и Э. Гидденса рассуждения о риске тесно связаны с сюжетами о рациональности современного общества и человека. При этом авторы указывают на нерациональность современного человека, которая в условиях «общества риска» усиливает расширенный характер воспроизводства риска (Giddens, 1990; Beck, Giddens, Lash, 1994; Luhmann, 1993). По сути, делается попытка подкрепить тезис о рисковом характере современного общества еще одним аргументом — нерациональностью современного человека.

По нашему мнению, модель рациональности современного человека определяется как раз с помощью понятия «неопределенность» и представляет собой следующее. Человек рационален, так как рациональность предполагает постановку цели, выбор из известных и доступных средств тех, которые позволят оптимально достичь поставленной цели. Но внешняя среда обладает для субъекта относительной неопределенностью, что искажает изначально запланированную эффективность (оптимальность) действия. Такое искажение вызывает видимость нерациональности, хотя на самом деле отражает свойство ограниченной информированности человека.

Таким образом, мы полагаем, что практически все концепции риска — как западные, так и отечественные — чрезмерно онтологизируют риск и практически полностью игнорируют тот факт, что риск — это категория меры. При этом мера зависит от действующего и познающего субъекта, а также от социокультурного контекста. Риск — это оценка возможности/невозможности наступления неблагоприятного исхода. Любая оценка предполагает наличие субъекта (индивидуального или коллективного), который осуществляет эту оценку на основе имеющейся у него информации о настоящем и будущем, действуя при этом в условиях культурного контекста.

О значении культурного контекста в изучении рисков писала М. Дуглас. По нашему мнению, культура задает ценности, которые определяют оценку риска. Нетрудно заметить, что в разных обществах и в различные исторические периоды представления о рисках были различны. Таким образом, риск относителен и зависит от культурного контекста. Например, можно сказать, что одной из главных ценностей современного западного общества является «здоровье», что и обуславливает «наличие» соответствующих рисков. Культура задает своеобразный угол зрения, под которым происходит отбор значимых событий и явлений,

¹ В это определение, например, входит следующее распространенное представление (суждение): «Неопределенность — это дефицит информации о будущем».

а также значимой информации об этих событиях и явлениях. Тем не менее, вводя контекстное измерение риска в своей работе «Риск и культура», М. Дуглас и М. Вильдавски остаются на объективистских позициях. Говоря о значимости культурного, политического контекста и личностных предпочтений в оценке рисков, авторы делают вывод, что «выбор рисков, о которых беспокоятся люди, зависит от предпочитаемых социальных форм жизни», «каждая форма общественной жизни имеет собственный “портфель рисков”, общие ценности ведут к общим страхам», «тип общества порождает тип ответственности и фокусирует беспокойство на отдельных опасностях» (Яницкий, 2003: 3–35; Douglas, Wildavsky, 1982). Таким образом, отношения оказываются перевернутыми — формы социальной жизни (институты) определяют восприятие, о чем свидетельствует следующий тезис ученых — «если исходить из того, что люди выбирают некоторое знание об определенных опасностях именно потому, что привержены определенному образу жизни, то можно предположить, что люди, разделяющие различные формы социальной организации, будут предрасположены идти на различные типы рисков (или избегать их)». Несмотря на ценное замечание М. Дугласа о том, что «во всех местах и во все времена мир был морализирован и политизирован» (Douglas, 1992), данный тезис не был последовательно применен к анализу современных рисков.

Как мы уже отметили, феномен риска принадлежит не объективной реальности, а субъективной, что принципиально меняет фокус внимания исследователей — рассматриваются не обстоятельства и условия, а субъект, то есть тот, кто определяет риски. Именно субъект остается за рамками рассмотрения большинства социологических концепций риска, он фактически исключен из процесса производства рисков. Интересы и цели субъекта также редко попадают в фокус внимания социологов. Предлагаемый нами методологический поворот позволяет социологам:

1. Разработать новую концепцию риска, которая сможет задать другие вопросы и получить другие ответы о природе социальной реальности и риска.

2. Переосмыслить роль и значение субъективного фактора в определении категории «риск».

Приняв данный взгляд на природу риска, социология может дать ответы на следующие вопросы: «кто определяет, что такое риск?», «кто определяет степень риска и меру вреда?», «какие субъекты участвуют в определении и институционализации риска?», «как появляются новые риски?», «какие цели преследуют субъекты, говоря о рисках?», «каким образом происходит отбор, определение, типизация и институционализация современных рисков?» и др.

Методологически данная концепция риска близка социальному конструкционизму в исследовании социальных проблем, исследованиям социальных движений, концепции «наклеивания ярлыков» Г. Беккера и Э. Лемерта и в целом феноменологии П. Бергера и Т. Лукмана, А. Щюца. Все вышеперечисленные подходы объединяет взгляд на социальную реальность как объективно-субъективный феномен. Акцент делается на процессах осмысливания, придания смысла и значения явлениям, обстоятельствам, ситуациям. Мы под конструированием понимаем именно процесс придания смысла и значений. Таким образом, вся социальная реальность является конструируемой. Представляется некорректным использовать термин «конструкционизм» как показатель ложности, умышленности и дельность знание на истинное и конструируемое.

Теперь мы можем переформулировать основной вопрос социологии риска: не «что такое риск», а «почему в современном мире одни вредные и опасные условия выступают как риск, а другим не придается такого значения». В таком случае в фокусе внимания социологов оказывается риторика, дискурс, способы типизации и конструирования реальности, а именно — рисков. Как мы уже сказали, риск — это мерная категория. И эта мера включает в себя два компонента: информацию о настоящем и будущем и оценку наступления неблагоприятного исхода. Конструирование риска включает конструирование информации/отсутствия информации о настоящем и будущем и оценку наступления неблагоприятного события. Риторика зависит от субъектов — тех, кто говорит о рисках. В данном случае, речь идет о таких коллективных субъектах, как социальные группы, социальные организации. Как правило, это группы, обладающие властью — экономической, политической, символической, — которые осуществляют определенную «социальную работу» по легитимации рисков и легитимации способов устранения/снижения рисков. Эти группы соперничают между собой за контроль над современными рисками и предлагают различные «версии» социальной реальности, различные типизации рисков и их последствий в зависимости от своих целей и интересов. Основными целями являются выигрыш в публичной повестке дня, власть и контроль (статус), и, в конечном итоге, привлечение ресурсов. Современное научное сообщество, обладая символической властью, также выступает группой, участвующей в процессе конструирования рисков, примером чего выступает многообразие концепций рисков, разнообразных классификаций, типологий и т. д. Следует упомянуть и о роли социологов как экспертов, не только и не столько описывающих те или иные феномены, но и участвующих в структурировании и классификации социальной реальности.

Для социологии представляет интерес, какой смысл и новые значения придает наклеивание ярлыка «риск» тому или иному феномену, какие действия влечет за собой такое «наклеивание ярлыков» — мобилизацию ресурсов, усиление групповой идентичности и т. д.? Конструкционистский подход не рассматривает общество как статус-кво, а позволяет «заглянуть за...». Перформативный подход позволяет проанализировать роль научного знания в появлении категории «риск» как элемента социальной реальности, а также в процессах производства рисков. Кроме того, можно вести речь об «индустрии рисков» как результате взаимосвязи объективных (техника, технология) и субъективных (знание) компонентов. Конструкционистский подход дает возможность изучать инновационные и технологические риски как результат процессов их определения и перепределения различными социальными группами, преследующими различные интересы.

Таким образом, на наш взгляд, социологическое исследование технологических и инновационных рисков должно строиться на следующих основаниях:

- риск — не онтологическое, а гносеологическое понятие, категория меры;
- конструкционистский взгляд на социальную реальность, в т. ч. на природу технологических и инновационных рисков, позволяет изучать риски не только на теоретическом, но и на эмпирическом уровне, проводить сравнительные и сравнительно-исторические исследования;
- изучение субъектов, участвующих в процессах конструирования технологических и инновационных рисков, их потребностей, мотивов, интересов и целей;

— изучение дискурса и риторики конструирования технологических и инновационных рисков.

Два последних тезиса образуют предметное ядро социологии технологических и инновационных рисков.

Литература

Дудина В. И. Эпистемологическая реконфигурация социального знания: от репрезентации к перформативности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 3. [*Dudina V. I.* Epistemologicheskaya rekonfiguratsiya sotsial'nogo znaniya: ot reprezentatsii k performativnosti // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2012. № 3].

Зубков В. И. Риск как предмет социологического анализа / Теория и методология. М., 1999. № 4. [*Zubkov V. I.* Risk kak predmet sotsiologicheskogo analiza / Teoriya i metodologiya. M., 1999. № 4].

Зубков В. И. Социологическая теория риска. М.: РУДН, 2003. [*Zubkov V. I.* Sotsiologicheskaya teoriya riska. M.: RUDN, 2003].

Кузнецов В. Н. Социология безопасности: Учебное пособие. М., 2007. [*Kuznetsov V. N.* Sotsiologiya bezopasnosti: Uchebnoye posobiye. M., 2007. S. 15–20].

Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. [*Luman N.* Vlast'. M.: Praksis, 2001].

Мозговая А. В. Риск как социологическая категория // Социология: 4М. 2006. № 22. [*Mozgovaya A. V.* Risk kak sotsiologicheskaya kategoriya // Sotsiologiya: 4M. 2006. № 22].

Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001. [*Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Uil'yams K.* Molodezh' v obshchestve riska. M.: Nauka, 2001].

Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. М.: Аспект-Пресс, 1996. [*Shtompka P.* Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy / per. s angl. M.: Aspekt-Press, 1996].

Штомпка П. Социология: анализ современного общества. М.: Логос, 2010. [*Shtompka P.* Sotsiologiya: analiz sovremennogo obshchestva. M.: Logos, 2010].

Яницкий О. Н. «Критический случай»: социальный порядок в «обществе риска» // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 2. [*Yanitskiy O. N.* «Kriticheskiy sluchay»: sotsial'nyy poruyadok v «obshchestve riska» // Sotsiologicheskoye obozreniye. 2002. T. 2. № 2].

Яницкий О. Н. Модернизация в России в свете концепции «общества риска» // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии / под ред. Т. Заславской. М.: Ин-терцентр, 1997. [*Yanitskiy O. N.* Modernizatsiya v Rossii v svete kontseptsii «obshchestva riska» // Kuda idet Rossiya? Obshcheye i osobennoye v sovremennom razvitii / pod red. T. Zaslavskoy. M.: Intertsentr, 1997].

Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. [*Yanitskiy O. N.* Sotsiologiya riska: Klyuchevyye idei // Mir Rossii. 2003. № 1].

Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. L.: SAGE, 1992.

Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.

Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1982.

Douglas M. Risk and Blame: Essays in Cultural Theory. L.: Routledge, 1992.

Giddens A. Living in a Post-Traditional Society // Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.

Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity, 1990.

Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993.

Conceptualization of innovation and technological risks in sociology

ELENA S. BOGOMYAGKOVA

PhD, Faculty of Sociology, St Petersburg State University, St Petersburg, Russia;
e-mail: elfrolova@yandex.ru

GRIGORII V. ZORIN

PhD, Faculty of Sociology, St Petersburg State University, St Petersburg, Russia;
e-mail: zorin.gv@yandex.ru

The article considers the principles of the conceptual apparatus of sociology of innovation and technological risks. The objectivist and subjectivist approaches of conceptualization of technological and innovation risks are distinguished. Epistemological possibilities of performative approach and constructionism in the researching of innovative and technological risks are defined.

Keywords: technological and innovation risks, sociology of risk, performative approach, constructionist methodology.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ШАРОВ

заведующий лабораторией
Научно-исследовательского института
комплексных социальных исследований
факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия

Об основаниях мультипарадигмальности в науке об обществе

Статья посвящена вопросам обоснования множественности методологических подходов в изучении общества (мультипарадигмальность). Рассматриваются истоки множественности подходов в историческом плане и обоснования ее различными исследователями. Предлагается использование в качестве обоснования мультипарадигмальности второй теоремы Геделя о неполноте и идеи автореферентности операционально закрытых систем.

Ключевые слова: парадигма, мультипарадигмальность, автореферентность, теория общества, структурализм, персонализм, теорема Геделя.

Мультипарадигмальность стала сегодня общепризнанным фактом в науке об обществе и в этом качестве вызывает неоднозначное отношение со стороны представителей собственно теории общества, эпистемологии и философии.